

УДК 1(091)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЭВОЛЮЦИИ СЛАВЯНСКОГО ЭТНОСА В ГЕРМАНИИ (СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД)

Т.М. Филяева

ГБОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»,
г. Москва

Раскрываются объективные условия и субъективные факторы, обуславливающие эволюцию славянских этнических общностей, а также те социальные последствия, которые оставил этот процесс в культуре славянского этноса и Германии. Автор, на основе историко-философского подхода, раскрывает детерминанты социального преобразования, которые, вместе с тем, не смогли разрушить проникновение языковых форм бытия славянского этноса в немецкий язык. Есть основания считать, что языковые названия славянских групп, которые сформировались в Германии, в определенной степени были перенесены в культуру древних славян и на Руси.

Ключевые слова: *славянский этнос; немецкое право; письменные предания; социальные причины; венды.*

Территория современной Германии – это территория, на которой находятся около 1300 городов со славянскими названиями. Восток исторической Германии, пронизанный славянскими корнями, обозначается как «Германия славянская» (*Germania Slavica*). Этот термин распространился после образования в 1976 г. междисциплинарной рабочей группы в свободном Берлинском университете под руководством Вольфганга Фритце для обозначения исследуемой территории [10, s. 269]. О прежнем распространении славянского языка свидетельствуют множество топонимов (географических названий). Вследствие преобладания немецкого господства и немецкого заселения в XII и XIII вв. славянский язык стали подавлять, в Средневековье это происходило уже на больших территориях Германии славянской (*Germania Slavica*), на Рюгене он прекратил свое существование в 1400 г., в Ганноверском Вендланде в начале XVIII в. В сегодняшней Германии он еще остался как верхне- и нижнелужицкий в Верхнем и Нижнем Лаузитце.

В XII в. немецкие князья формировали новые территории в тех областях, где господствовали и которые населяли нехристианские славяне восточнее Эльбы и привлекали поселенцев (колонистов) с запада, чтобы расширить государство и обеспечить свое господство. За ними последовали христианские славянские князья Мекленбурга, Рюгена, Померании, а также польские князья Силезии (исторической области в Европе), которые были включены в состав немецкого государства и которые примерно с 1200 г. впустили на свои земли немецких поселенцев. Маркграфства восточнее р. Заале с X в. оставались в составе восточно-франкско-немецкого государства.

С середины XII в. призывали поселенцев из Нидерландов, Фландрии, с Рейна, из Фризии, Вестфалии, Саксонии, Франконии и Тюрингии на расширяющиеся территории на Эльбе и за ней. В дальнейшем на востоке в XIII в. гово-

рили только о немцах. Право, по которому расселялись новые поселенцы, появляется сначала в Силезии под названием «немецкое право», в то время как вблизи Эльбы раньше говорили о голландском, фламандском, франкском праве. С нарастающим развитием страны славянские деревни также могли вступить в процесс преобразования хозяйственной ситуации по немецкому праву (которое включало в себя личную свободу, свободное право наследования и урегулированные передачи измеренных земельных площадей хозяйственного назначения), и местные крестьяне могли поселиться здесь по подобному праву. Такое «немецкое правовое» поселение следует отличать от этнического немецкого поселения. Целью было «улучшение страны» (*melioration terrae*), прежде всего увеличение производства зерна для рынка – на расходы старого, разнообразного и в основном на покрытие собственного потребления упорядоченного крестьянского хозяйства коренного населения.

Во время вооруженного столкновения и после установления немецкого господства с поселением (получением права гражданства) первых переселенцев, сильно сокращается славянское население в некоторых областях на западе Германии славянской (*Germania Slavica*), на таких как восточный Гольштейн или Мекленбург, и часть их вытесняется. После укрепления господства и установления христианства больше не происходило изгнание (насильственное переселение) в огромном масштабе, однако отношение между насилием и мирной ассимиляцией неизвестно.

В густонаселенных старых областях поселений часть славян была вытеснена в местности, которые были мало пригодны для земледелия, в то время как другие славяне вместе с новыми немецкими поселенцами активно соучаствовали в корчевании и реструктурировании земель – так, около 1123 г. в епископстве Хальберштадт и в 1221 г. в княжестве Рюген. Переселения в близлежащие местности цистерцианского монастыря, как, например, в Корин, связаны с созданием собственной хозяйственной зоны и могли касаться также и немецких крестьян [11, s. 40]. Нет сомнений, что далеко распространяющиеся хозяйственные и правовые переустройства, какие были предприняты на территории Германии славянской в XII–XIII вв., проходили не без основательной жесткости для больших групп населения – не смотря на чрезмерные требования, которые принесли с собой политические, религиозные, культурные и этнические изменения.

Из письменных источников нам непосредственно ничего неизвестно о сосуществовании или взаимодействии немцев и славян на сельской территории [8, s. 212]. Об отношении славянского и немецкого поселения свидетельствует сочетание источников различного рода и категорий, а именно из археологических находок, сохранившегося топонимического материала, из форм поселений, отдельных указаний в письменных преданиях и, принимаемых во внимание природных данных исследуемых территорий.

Там, где новое поселение сталкивалось с коренным населением, которое было вовлечено в расширение государства, получились различного рода «этнически-топонимические ситуации-связи» [3, s. 335]. В то время как новые поселенцы обосновывались в начале маленькими поселениями наряду со славянскими, в фазу расцвета расширения государства в XIII в. было проведено масштабное запланированное новое поселение с деревнями с большой площадью (площадь как конкретное место) и с деревнями рядовой застройки (боль-

шие пространства, состоящие из множества полос пашни). Для областей с подобными формами поселения, которые по данным раскопок и по географическим названиям были населены уже в донемецкое время, предположительно, что славянский элемент полностью включался в новые структуры [6, s. 195]. Наоборот, там, где были очень распространены славянские топонимы, без нахождения при раскопках чего-то славянского, нужно учитывать большую долю участия славян в расширении страны.

Что интересно: деревни, в которых господствовал славянский элемент, позже были обозначены как *villae slavicales* [3, s. 336]. Если рядом со славянской строилась новая деревня, то эта деревня могла перенять славянское название. Соседние деревни с похожими названиями стали позже различаться друг от друга добавлением Немецкая- или Вендская-, или Большая- и Маленькая-, без четкого этнического деления [5, s. 477]!

На то, что на многих территориях каждое из поселений нельзя разграничить этнически, указывают так называемые смешанные топонимы, которые образуются из немецкой и славянской составной части [4, s. 101]. К примеру, название одной из деревень Тезекендорф (в переводе: деревня Тезека) со славянским именем. Тезек (происходит из рода Тезек) напоминает нам об одном славянине, который принимал участие в формировании нового поселения или в перестройке структуры деревни. Другой пример, в котором славянский притяжательный суффикс *-иц* прикрепился к немецкому имени, как в случае с сорбским Куршуиц (Chug – отдых, Schütz – щит, защита; получается, что топоним можно толковать как «защита спокойствия») (до 1190 г. Кунрадесдорф, 1206 г. Кунрадиц), отражает, напротив, распространение славянского языка в данной местности [3, s. 336]. Примечательно, что созданное новое название деревни Райнольдесдорф в местности Цаухе (ландшафт Бранденбурга) могло быть вытеснено старым славянским названием топонимом Плётцин [11, s. 44]. В соответствии с переводом существующие топонимы – к примеру, Линдвердер (слав. *лина* – нем. *Linde*) близ Липер Бухт на р. Хафель в сегодняшнем Берлине – указывают на долгое сосуществование немцев и славян. В Лаузитце (Лужице), где славянский язык частями сохранился до сегодняшнего дня, для многих местностей одновременное сосуществование славянского и немецкого топонимов передается из поколения в поколение. Здесь немецкие топонимы были «переведены» на сорбский, в некоторых случаях немецкое меньшинство в языковом плане поглотилось в славянском большинстве [2, s. 59].

Правовые различия внутри деревни по первичным этническим основаниям неразличимы. Масса населения деревни образовалась во многих местностях в каждом случае из гуф-крестьян (гуф – надел земли), из крестьян-бедняков, которые не были наделены гуфом-пашней, а имели маленькие земельные площади хозяйственного назначения. Среди них было разрешено находиться большому количеству потомков славян. Однако участки крестьян-бедняков не могли быть выделом (отцовским наделом) или обеспечивать не имеющих право на наследство сыновей гуф-крестьян [9, s. 222].

После того как с обращением славян в христианство религиозное препятствие было устранено, рано или поздно произошло смешение коренного населения с немцами и нидерландцами, это происходило несмотря на все этнические, социальные и правовые различия и вместе с тем это привело к образованию так называемых новых имен мекленбургцев, поморцев, (верхне-

саксонцев, силезцев. Уже в Средневековье на дальних больших территориях Германии славянской пробивался немецкий язык. Это происходило постепенно само по себе и не отражалось прямо в каких-либо письменных источниках. Немецкое или обличенное немецкое территориальное господство вкупе с сеньориальной властью (феодалным земледелием) и немецкой правовой организацией народного хозяйства привнесли наряду с высоким престижем, который привел уже в XIII в. к всеобщему распространению немецкого языка среди польского рыцарства Силезии, языковую экспансию немцев. В сорбских маркграфствах два языка долгое время сосуществовали друг рядом с другом. Славяне или венды, как их называли немцы, были вовлечены в единые правовые организации и поставлены наравне с «Саксонским зеркалом» с 1225 г. перед тем же самым судом в основном законе правове-процессуально. Однако, на практике вендский язык был обделен перед судом, поставлен в невыгодное положение. Кто бесспорно владел немецким языком, тот уже в XIII в. имел право больше не применять славянский язык перед судом.

В хозяйственном, топографическом, социальном и правовом отношении новый тип поселения был введен в XII и XIII вв.: город с рыночной площадью. Такой город мог образоваться, присоединяясь к уже настоящему укрепленному населенному пункту с городскими функциями или на территории нового поселения вместе с деревнями. Какие-либо данные не содержат, как правило, указание на этническую принадлежность граждан. При основании нового города Зальцведель в 1247 г. маркграфы Бранденбурга определяют, между прочим, что немецкие и славянские жители должны иметь перед городским судом равное правовое положение. В другом случае во Фридланде в земле Старград, те же маркграфы подчиняли славян, живших в городе и за городом особенному «славянскому суду» под маркграфским смотрителем. Но точно то, что славяне относились к жителям и также к гражданам немецко-правовых городов. Отдельные археологические указания, например, в (Берлине-)Шпандау или в Коберге указывают на то, что ремесленники из ранних городских поселений селились в новом городе [10, s. 280]. В балтийских городах обнаруживаются славянские имена как у ремесленников, так и у имеющих право быть избранными в городское собрание в высших кругах.

Часто славяне жили в пригородах, которые долгое время оставались в правовом плане отделенными от города. Речь может идти при этом об оставшихся субгородских поселениях, которые не были включены в город. Это относится ко многим распространенным в Померании типичным рыбацким поселкам. Особый случай образовывали рыбацкие поселки, прежде всего, в области господства маркграфов Бранденбурга. В некоторых славяне жили до XV в. Рыбацкий поселок подчинялся не городскому праву, а был тесно связан особым служебным правом с соседней крепостью [7, s. 53]. В нем одна часть славянского населения была объединена на месте для обеспечения замка всем необходимым. Вопрос о возникновении таких поселков остается спорным [8, s. 220].

Немного позже середины XIV в. обнаруживаются первые указания на правовую дискриминацию потомков славянского населения, живших за городом. Гильдии при принятии новых членов начали требовать доказательств немецкого происхождения. Первые документы были из городов, которые располагались на окраинах территорий с еще большим количеством славянского населения [11, s. 48]. Социальные предрассудки в отношении вендов должны были появиться

уже задолго до этого, но выгодные хозяйственные отношения во время построения новых государств задержали это. С окончанием динамичного хозяйственного развития в первой половине XIV в. начало усиливаться отверженное поведение городского общества по отношению к «группам, живущим на окраинах». Нового качества достигло неприятие чужих славян под давлением Великой чумы с 1348 до 1350 гг. и последующих эпидемий чумы, следствием которых было к тому же усиленное переселение людей из деревни в город. Против «чужих» ставили новые границы. Это касалось желающих «вендского типа» из вне, особенно несвободных, но не собственно сограждан, которые считались уже ассимилированными. В нижнелужицком Беескове для них и их потомков вход оставался открытым в каждой гильдии. Но это не означает, что славянский язык здесь якобы очень быстро исчез. В городском разговорном языке господствовал немецкий язык, в семье говорили по-прежнему по-вендски (т. е. по-славянски). Дальнейшая передача языка от матери детям была направлена на решение задачи сохранения сорбского в языковых контактных областях. С XV в. требование немецкого происхождения в некоторых городах стало важным фактором в конкурентной борьбе, но в других доказательство немецкого происхождения до 1500 г. играло все еще незначительную роль [1, s. 85]. Лишь в позднесредневековое время это требование получило широкое территориальное распространение. Перемещение подмастерий было причиной того, почему оно также удалось в местностях, в которых этот вопрос долгое время вообще не был существенным. С XVI в. власти различных земель выступали против дискриминации вендов. Законное исключение вендского происхождения через членство в гильдии было предписано среди прочих основополагающих изменений с миграцией населения, его повышенной мобильностью, новым упорядочиванием отношений владения и поселения, что принималось немецким большинством в городах. Немецкое большинство уже явно отграничивалось от «других». К «другим» в позднем Средневековье относились те славяне, которые еще не полностью интегрировались в немецкое общество, которое на тот момент уже преобладало.

Список литературы

1. Fritze W. Frühzeit zwischen Ostsee und Donau. Berlin, Duncker und Humblot, 1982. 462 s.
2. Fritze W. Gründungsstadt Berlin: die Anfänge von Berlin-Cölln als Forschungsproblem. Potsdam, Verlag für Berlin-Brandenburg, 2000. 124 s.
3. Fritze W. Untersuchungen zur frühslawischen und frühfränkischen Geschichte bis ins 7. Jahrhundert. Frankfurt a. M.: Europäische Hochschulschriften, 1994. S. 335–338.
4. Gringmuth-Dallmer E. Forschungen zu Menschen und Umwelt im Odergebiet in ur- und frühgeschichtlicher Zeit. Mainz am Rhein, Zabern, 2002. S. 101–112.
5. Gringmuth-Dallmer E. Vergleichende Untersuchungen zum frühmittelalterlichen Landesausbau im westlichen Mitteleuropa. Berlin, Akad. der Wiss. der DDR, Diss. B., 1990. S. 474–480.
6. Krenzlin A. Werdegang und Lebenswerk // Hans-Friedrich Kniehase: Das Rundplatz-dorf. Slawisch-deutsche Siedlungsgenese in Altmark, Havelland und Oderbruch. Scharbeutz, Studien, 2005. B. 2. S. 193–201.

7. Ludat H. An Elbe und Oder um das Jahr 1000. Skizzen zur Politik des Ottonenreiches und der slawischen Mächte in Mitteleuropa. Köln, Wien, Böhlau, 1971. 81 s.
8. Piskorski J. Pommern im Wandel der Zeiten / hrsg. von Jan M. Piskorski. Mit Beitr. von: Werner Buchholz. [Übers. aus dem Poln. Andreas Warnecke]. Szczecin, Zamek Książąt Pomorskich, 1999. 458 s.
9. Ribbe W. Die spätslawische und frühdeutsche Zeit // Das Havelland im Mittelalter – Untersuchungen zur Strukturgeschichte einer ostelbischen Landschaft in slawischer und deutscher Zeit. Band 13 – Germania Slavica V. Berlin, Duncker und Humblot, 1987. 475 s.
10. Schich W. Germania Slavica. Die ehemalige interdisziplinäre Arbeitsgruppe am Friedrich-Meinecke-Institut der Freien Universität Berlin // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands. Berlin, Berliner Historische Studien, 2002. Bd. 48. S. 269–298.
11. Schich W., Strelczyk J. Slawen und Deutsche an Havel und Spree: zu den Anfängen der Mark Brandenburg. Hannover, Hahn, 1997. 54 s.

SOCIAL AND LINGUISTIC BACKGROUND OF THE EVOLUTION OF THE SLAVIC ETHNOS IN GERMANY (SOCIO-PHILOSOPHICAL APPROACH)

T.M. Filyaeva

Moscow State Regional University, Moscow

The article reveals the objective conditions and subjective factors affecting the evolution of Slavic ethnic communities, as well as the social consequences that left this process in the culture of the Slavic ethnos and Germany. On the basis of historical and philosophical approach, the author reveals the determinants of social transformation that could not destroy, however, the penetration of linguistic forms of existence of the Slavic ethnos in German language. There is a good reason to believe that Slavic names of the groups formed in Germany were transferred to some extent into the culture of ancient Slavs and RUS'.

Keywords: *Slavic ethnicity, German law, written stories, social causes, Venda.*

Об авторе:

ФИЛЯЕВА Татьяна Михайловна – соискатель кафедры философии Московского областного университета, старший преподаватель Экзаменационного австрийского центра (ÖSD), г. Москва. E-mail: ftm10@mail.ru

Author information:

FILYAEVA Tatyana Mihajlovna – Applicant for Ph.D. degree of the Dept. of Philosophy, Moscow State Regional University, Senior Lecturer of the Austrian Examination Centre (ÖSD), Moscow. E-mail: ftm10@mail.ru